УДК 378

СТАРОСТЕНКО А.М.,
СТАРОСТЕНКО К.В.

Социальный статус и потенциал системы высшего образования регионов России: теория и реальная практика (сравнительный анализ)*

В статье анализируются социальный статус и потенциал системы высшего образования Российской Федерации в контексте образовательной среды вузов, инвестиционного обеспечения инновационных процессов в регионах и государственного управления в условиях социальной трансформации общества на основе показателей аналитических докладов, применяемых в международной статистике, реальных фактов в политике государства по организации образовательного процесса в высших учебных заведениях, занимающихся профессиональной подготовкой кадров в соответствии с новой структурой хозяйствования и инновационными социально-политическими отношениями.

Ключевые слова: Болонская декларация, единое образовательное пространство, непрерывное практико ориентированное обучение, самоорганизация студенческой среды, социальные функции образования, человеческий потенциал.

Практика показывает, что современные рынки труда и образовательных услуг в России переживают фазу поиска факторов развития, характеризующихся значительным рассогласованием предложения и спроса. Проблема усугубляется тем, что значительная часть молодежи, окончившая высшие учебные заведения, в связи с отсутствием возможности продолжения образования и выбора рабочих мест по полученной специальности вынуждена соглашаться на труд в качестве вспомогательной силы. Безусловно, это ведет к ослаблению трудовой мотивации не только как следствию социально-экономической нестабильности и резкого сокращения рабочих мест в отдельных регионах страны, но и становится общественной нормой. Данные обстоятельства априори, с одной стороны, снижают потребность в продолжении образования у большинства работающих, с другой – неизбежно приводят к насыщению рынка труда незаинтересованными, равнодушными исполнителями той или иной социальной роли. При таких условиях интенсивно снижается и без того невысокий квалификационный уровень производственных кадров в материальной сфере и обслуживающего труда.

Сложившиеся обстоятельства, как и «размытые» перспективы формирования трудового потенциала материальной и обслуживающей сфер российского общества, нарушили организационную структуру развития социума. Вероятно, именно поэтому, несмотря на «амбициозные» задачи, поставленные Министерством образования РФ в области высшего образования, которое бывший министр А.А. Фурсенко назвал «одним из главных брендов России», сегодня демонстрирует неспособность в должной мере решить про-

блему «кадрового голода», обусловленного новыми требованиями к уровню квалификации работников[1].

Социальные институты в ходе общественно-политических реформ незначительно подвергаются трансформации. Этому способствуют противоречия в законодательстве, когда взаимоотношения в приватизированной сфере опираются на рыночные законы, а большинство служб и социальных институтов государства и муниципалитетов – на реликты социалистического законодательства, гарантирующие финансовую государственную поддержку-опеку, что, в свою очередь, безусловно, сужает полноценное взаимодействие между органами государственной власти и курируемыми ими институтами образования. Так, в ходе реализации «Плана действий Правительства Российской Федерации в области социальной политики и модернизации экономики», принятого в 2000 г., система образования должна перейти из режима выживания в режим развития, от бюджетного содержания – к инвестированию в нее. Пока что, согласно международной классификации, Россия входит в группу развивающихся стран: доля средств, выделенных на образование из федерального бюджета, к примеру, в 2002 г. составляла всего 0,75% ВВП[2], при этом в эту цифру вошли расходы на содержание всех типов учебных заведений.

Каждый гражданин, хозяйствующий субъект и отдельно взятый регион Российской Федерации изыскивают, во-первых, собственные пути повышения качества образования в контексте локального социально-экономического роста. Во-вторых, снижена ключевая роль институтов высшего образования в системе государственного управления и социальной ответственности пирамиды власти за будущий интеллектуальный потенциал страны: оптимизация деятельности высшей профессиональной школы сведена к реструктуризации ее сети (укрупнение и резкое сокращение общего количества учебных заведений, их филиалов и преподавателей). В-третьих, констатация отдельных фактов при оценке деятельности вузов, факультетов и кафедр с позиции требований информационного общества и Болонской декларации (бакалавриат – магистратура, ЕГЭ) неэффективна. В-четвертых, создавшаяся в обществе ситуация не способствует радикальным переменам в парадигме построения учебного процесса высшей школы, повышения ее конкурентоспособности. Установка на непрерывное увеличение качества профессиональной деятельности специалистов, имеющих высшее образование, не способствует ориентации молодого поколения на общественный интерес. Оценивая ситуацию в сфере образования, Президент РФ сомневается, что «к концу 2020 года нам удастся построить общество, основанное на информации». Очевидно, планируемый рост человеческого потенциала не будет обеспечен.

Позитивная взаимосвязь между поставленными целями и мерами, а также планируемыми и реализуемыми методами постепенно переходит в разряд тупиковых. Сокращение вузов и филиалов до 600 или 1000, в основном это коснется регионов, приведет к тому, что доступность получения молодыми людьми высшего образования сократится в несколько раз, а уровень профессионализма кадров, в том числе государственных и муниципальных служащих, естественно, понизится. По предварительным подсчетам исследователей, количество бакалавров и магистрантов уменьшится с 7 миллионов человек до 4 миллионов. Если учесть, что срок обучения бакалавров сокращается на 20%, то число обучающихся в вузах к 2015–2016 гг. составит всего 3,5 миллиона человек. Сокращение Министерством образования РФ *доступности* образования молодежи осуществляется вопреки «Конвенции о защите прав человека и основных свобод», которая вступила в силу с 1 ноября 1998 г., и Конституции Российской Федерации – гарантии права на образование каждому ее гражданину.

Безусловно, рост масштабов высшего профессионального образования является одним из показателей благополучия страны. На I Всероссийской научно-методической конференции (2010 г.) было отмечено, что население развитых стран

мира становится все более образованным, в отдельных из них до 40% молодых людей имеют высшее образование. В докладе М.А. Колесникова убедительно обоснована взаимозависимость между ростом средств, выделяемых на образование, продолжительностью жизни и улучшением здоровья населения. Увеличение сроков обучения на один год позволяет повысить валовой внутренний продукт на 3–6%, существенно улучшить личное благосостояние граждан[3].

Развитие системы образования, постановка и решение связанных с этим процессом проблем становятся все более противоречивыми. Цель Болонской декларации – создание системы высшего образования, существующей и развивающейся в рамках единой политической Европы без границ, с единой конституцией, единой экономикой и т. д. Отечественной системе образования, перешедшей на данную систему подготовки и использования кадров, необходимо в сжатые сроки пройти сложный путь преобразований, направленных, с одной стороны, на внедрение в практику работы вузов положений важнейших международных документов, которые требуют создания условий для получения качественного образования, продолжения обучения молодыми людьми на протяжении всей жизни, реализации ими планов индивидуального развития при включении в активную трудовую деятельность. С другой стороны, государство, стремясь уменьшить бремя расходов на нужды образования, рассматривает его в качестве продукта, который нужно «продавать выгодно» потребителю по законам рынка, а его непосредственная социальная функция – подготовка подрастающих граждан к профессиональной деятельности – остается вне поля ответственности органов местного самоуправления.

Из-за слабых связей высших учебных заведений с практической деятельностью в различных сферах труда и быта возможности образовательных учреждений до сих пор не отнесены к разряду определяющих факторов в постановке и достижении целей подготовки и повышения квалификации специалистов. Отсюда противоречие между несоответствием уровня обучения и качеством воспитания молодежи, неоправданное дробление специальностей подготовки и повышения квалификации кадров, неэффективное использование специалистов и т. п.

Несомненно, традиционные методы образования не дают нужных результатов: во-первых, для комплексной перестройки образовательной составляющей высшей школы необходимо обеспечить новые подходы к обучению и воспитанию в начальной и средней школе; во-вторых, государство должно разработать на уровне концепции стратегию непрерывного образования, которая согласовывалась бы с государственной политикой образования взрослых государств–участников СНГ, где были бы учтены вопросы закрепления и развития нравственного мировоззрения обучающихся, мотивации социально-преобразующей деятельности как субъектов общественного развития, государственного строительства и местного самоуправления. Известно, что ни в одной стране мира, в том числе и в странах СНГ, нет подобной *концепции непрерывного образования*. Ее разработка – дело исключительно сложное. Государство в соответствии с ней должно взять на себя обязательства по образованию специалистов как субъектов экономической, социальной, правовой и силовой сфер, направив их усилия на активное и нравственное преобразование действительности, защиту конституционного строя, здоровья, законных прав и интересов граждан государств–участников СНГ, коллективной обороноспособности и безопасности.

В порядке сравнения. Если Российская Федерация сегодня расходует всего 3,5% своего ВВП на развитие образования, включая и научные центры подготовки молодежи, то США – 11%, Китай – 12%, Япония – 14%, Финляндия – 16,4%, Южная Корея тратит на развитие образования и наукоёмкие технологии от 23 до 25% в год от ВВП[4]. В России резко снижается число людей, имеющих высшее образование, и увеличивается количество молодежи, не имеющей начального образования. Согласно переписи населения России 2002

года, 15,3% молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет не имели начального образования, 4,5% – вообще не учились в школе. Почти каждый пятый молодой россиянин (19,8%) безграмотен. И это в то время, когда правительства Японии, Канады, Голландии, Швеции поставили и выполняют задачу – обеспечить молодому поколению высшее образование. Профессиональная подготовка такого уровня, предоставляемая государством, превращается в последовательный и непрерывный процесс, при котором, с одной стороны, сама социальная практика становится важным элементом профессионального обучения кадров; с другой стороны, инновационная профессиональная деятельность превращается в практико ориентированный процесс совершенствования квалификации преподавателей высшей школы и одновременно является показательным примером результативности системы непрерывного образования взрослых.

Анализ нормативно-правовых документов и эмпирических данных состояния регионального высшего образования в России позволяет сделать неутешительные выводы. Политика «свершившихся фактов», осуществляемая Министерством образования РФ в рамках Болонской конвенции, не обладающей правом закона для подписавших ее сторон и представляющей собой лишь соглашение о предпринимаемых действиях стран-участниц с учетом обсуждений и консультаций по формированию единого образовательного пространства, способствует *внедрению единообразных структурных изменений в государственной системе образования,* которые направлены на: унификацию и стандартизацию учебных планов и программ; достижение относительной автономии вузов от органов государственного управления; введение повсеместного контроля качества подготовки специалистов в соответствии с запланированными учебными заведениями компетенциями; развитие различных типов не только государственных, но и частных высших учебных заведений. Наряду с этим планируется закрыть те вузы, которые не вписываются «в общий уровень подготовки специалистов, понятных для западных работодателей»[5]. По утверждению Президента РФ В.В. Путина, стратегия Министерства образования РФ по сокращению высших учебных заведений на 20% и их филиалов не скажется отрицательно на качестве высшего образования и подготовке кадров с практической ориентацией.

Если учесть, что только в текущем году свыше 3 млн. выпускников российских школ даже не пытались поступать в вузы для продолжения образования, то можно предположить, какой станет культурно-образовательная среда Российской Федерации через десять лет, включающая в себя совокупность условий, где происходит становление и развитие личности, специфический срез бытийности человека в пространстве усвоения знаний и творческой составляющей деятельности и культуры. «Незаинтересованный прагматизм» молодого поколения и «социальная апатия» чаще всего являются результатом нереализованных надежд, проявляются они при демонстрации молодыми людьми свободы и отсутствия каких-либо обязательств перед обществом. Каждый второй респондент–студент высшей школы г. Орла откровенно заявляет «об отсутствии желания и стремления быть полезным обществу».

Более того, отсутствие установки на *самоорганизацию* привело к исчезновению в высших учебных заведениях различных ассоциаций и комитетов, коммуникативного взаимодействия обучающихся по научным и досуговым интересам даже на уровне академических групп. Любая социальная активность, как правило, исходит «сверху»: по требованию администраций вузов, руководства факультетов, кураторов групп. Не нашли своего места в проводимой реформе системы высшего образования студенческие советы; не стала объединяющим фактором и внеучебная деятельность. Ни в одном из вузов г. Орла о ней мало кто что знает: среди студентов очного обучения вообще ничего о ней не слышал каждый третий респондент; каждый второй не предполагает, что какая-то досуговая или социальная работа должна проводиться с проживающими в

студенческом общежитии. Практика последних лет показывает, что социальная активность студентов стала призванием единиц. Именно это прежде всего существенно изменило и продолжает изменять фундаментальное, сущностное содержание гражданской позиции личности.

В настоящее время мы наблюдаем определенное продвижение по пути создания новой теории образования.

Во-первых. Образование – это не только личное дело отдельного человека, но и важная социальная функция государства, которая обеспечивает сохранение его социальной структуры как целостности. Это не продукт, который нужно «продавать потребителю по законам рынка» на основе конкуренции и рыночной рентабельности, что негативно отразится в будущем и отражается сегодня на профессиональной деятельности педагогических коллективов и качестве знаний выпускаемых специалистов.

Высшие учебные заведения, особенно региональные, в течение последних двух десятилетий работают в стрессовых условиях, связанных с постоянно изменяющимися требованиями, касающимися структуры и содержания образования со стороны государственного заказчика – Министерства образования РФ, поддерживаемых инвесторами, соучредителями, потребителями кадров, среди которых – институты всех уровней властных отношений (государственные органы управления образованием и местного самоуправления), учредители научно-исследовательских центров и т. д.

К сожалению, проведенные и планируемые мероприятия по реформированию системы образования все чаще вызывают вопросы о реальном равенстве российской молодежи в сфере образования с молодежью других стран. Так, интегральным показателем, характеризующим развитие системы образования того или иного государства, является общая оценка ожидаемой продолжительности обучения, которая равна сумме показателей для всех уровней образования и обусловлена экономическим положением населения. В России в 2002 г. этот показатель был равен 14,9 года, медианный показатель для стран второй группы – 16,8 года[6]. Ожидаемая продолжительность начального и среднего образования составляла всего 8,2 года, что является одним из самых низких показателей для анализируемого набора стран (49), более низкий показатель наблюдается только в Венгрии, Египте и Индии[7].

Во-вторых. Необходимость качественного образования осознается всеми. Большинство выпускников общеобразовательных школ стремятся получить высшее профессиональное образование. Однако эта положительная тенденция идет вразрез со стратегией руководства страны по развитию системы подготовки высококвалифицированных специалистов. Так, отсутствие заинтересованности в подготовке инженерных кадров и сокращение числа бюджетников в государственных высших учебных заведениях результатом своим имеют перекос в структуре факультетов и наборе специальностей, допускаемый с позиции рыночной целесообразности Министерством образования РФ. Не вина, а беда высших учебных заведений состоит в том, что государственные и негосударственные высшие учебные заведения идут по пути расширения гуманитарного образования. Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием у большинства вузов современной материальной и научной базы; с другой – установившейся безответственностью региональных органов власти за трудоустройство молодых специалистов. Согласно данным Центра системного анализа социальных проблем при Российской ассоциации профсоюзных организаций студентов, только каждый десятый выпускник вузов России работает по своей специальности, 70% молодых специалистов находят работу, крайне редко связанную с профилем полученного диплома.

В-третьих. Нельзя не признать справедливыми выводы М.В. Ватагиной, полагающей: ни в одном отечественном отраслевом учебном заведении не создано эффективной *маркетинговой службы*, продуктивно занимающейся проблемами рынка квалифицированного труда, определя-

ющей потребителей кадров по категориям, направлениям и территориям; выявляющей и оценивающей учебные заведения-конкуренты и их потенциальные возможности в подготовке кадров. Отчасти поэтому не сегментирован рынок труда с учетом реальной структуры образовательных услуг, тенденций изменения объема и числа вакантных рабочих мест[8]. Общепризнано: рынок образовательных услуг существенно отстает от потребностей рынка квалифицированного труда; значительно углубились диспропорции между востребованным профессиональным уровнем специалистов и региональными потребностями рынка труда, которые зависят от локальной структуры производства.

В-четвертых. Создается впечатление: чтобы «не опоздать на Болонский курьерский поезд» и, таким образом, зафиксировать глубокую «заинтересованность» и готовность региональных органов власти в разрушении старой системы образования и активного включения таким путем в европейское образовательное пространство, Министерство образования РФ под видом отказа от «идеологически ориентированного содержания образования молодежи и советской методологии обучения» перевело высшую школу на «единственно верную образовательную модель», которая позволяет иметь единое Приложение к диплому, содействующее приоритету трудоустройства европейских граждан в России. Благодаря этому, мы в который раз подтверждаем в международном контексте конкурентоспособность европейской системы высшего образования и необходимость в связи с этим полного отказа от системы обучения молодого поколения, веками сложившегося российского опыта.

Никто не вспоминает о решении принятого в марте 2001 г. в Саламанке документа, где было обращено внимание присутствующих высоко поставленных чиновников из европейских стран на необходимость «*организации диверсификации*» как одного из основополагающих принципов дальнейшего развития высшего образования. С одной стороны, предлагается бережное отношение к существующему разнообразию национальных образовательных систем, традиционных типов учебных заведений, направлений и видов подготовки специалистов, содержанию учебных программ, представляющих собой общую ценность и потенциал для будущего развития Европы. С другой стороны, это разнообразие и желание его сохранения не должны становиться преградой к объединению межгосударственных усилий, к сближению систем образования, к их конвергенции. Отсюда вытекает острая необходимость избирательного отношения к диверсификации и её регулированию. Иначе говоря, проблема состоит не только в преодолении препятствий на пути межвузовских и межстрановых академических обменов, установленных параметров сопоставимости квалификаций студентов разных стран, но и в сохранении и совершенствовании образовательных систем разнообразных государств. Если учесть, что их более 1000, то полагаем целесообразным осуществить исследование обозначенных выше проблем на основе анализа требований образовательной политики Российской Федерации, согласованной со спецификой и потребностями региональных рынков труда.

Вместе с тем следует заметить, что в современной научно-технической деятельности, экономической и социальной практике существенно возрастает социальная роль и ресурсный потенциал инноваций и инновационных продуктов. Инновации – новые продукты научных разработок, и организация процессов их массового производства и потребления осуществляется по преимуществу через механизмы и институты экономического рынка. В связи с этим все больший акцент в практике цивилизационного развития отводится нематериальным инновациям, в первую очередь, знаниям и их воплощению в личностные и социально-групповые формы, так называемые «символические капиталы». Они являются, во-первых, воплощением инновационного бытия людей, новых ценностей, традиций, совместной коммуникативной деятельности; во-вторых, конструированием и реализацией модернизируемых организационных институтов регионального управления и местного

самоуправления, последний по своей сути и функциональной специфике представляет собой субъект воли государства и гражданского общества.

Что касается Российской Федерации, то местная власть организационно оформилась, выполнив «свое предназначение как буфер между населением и государством при проведении радикальных политических, социальных и экономических реформ, и продолжает в меру имеющихся возможностей поддерживать функционирование местного хозяйства (в том числе и в сфере образования. – ***Авт.***). Однако при существующем положении вещей она не способна решить возложенные на нее стратегические задачи»[9].

Уверены, полученные результаты и реально сложившееся положение дел в локальном регионе России обусловят разработку, во-первых, *функциональной модели профессионального образования*, содействующей модернизации образовательной среды обучения и формирования конкурентоспособного на мировом рынке человеческого капитала в аспекте многогранного развития личности. Во-вторых, в основу процедур регулирования органами власти результативного социально-экономического развития региона должен быть положен *модифицированный метод оценки инновационных аспектов личности и производительных способностей специалиста-профессионала.*

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-13-570001.

Для характеристики положения дел в высшем образовании Российской Федерации использовались материалы Центра мониторинга и статистики образования ГНИИ ИТТ «Информатика», в частности сопоставительный доклад М.Л. Аграновича, А.В. Полетаева, А.В. Фатеева «Российское образование в контексте международных показателей, 2004». М.: Аспект Пресс, 2005.

[1] Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2002. № 2. С. 3–31.

[2] Статистические данные по системе образования / Министерство образования Российской Федерации. М., 2002. С. 29.

[3] Колесников М.А. Инновации в системе высшего образования. Материалы 1 Всероссийской научно-методической конференции / НОУ ВПО Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладошина. Челябинск, 2010. С. 73–76.

[4] Аванесов В. Обама объявил о реформе образования // «ПВ». 2010. № 5–6 (май, июнь). [Электронный ресурс]. URL: http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1900&nomer=65

[5] Петракова И.В., Сумарокова С.Ю. Роль и место высшего образования в современном постиндустриальном обществе // Совет ректоров. 2008. № 10. С. 31–34.

[6] Агранович М.Л., Полетаева А.В., Фатеева А.В. Российское образование в контексте международных показателей, 2004. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 14–15.

[7] Там же. С. 15.

[8] Ватагина М.В. Развитие маркетинговой деятельности высших образовательных учреждений: на примере аграрных вузов: автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Санкт-Петербург, 2009. С. 11.

[9] Широков А.Н., Юркова С.Н. Местное самоуправление в современной России: концептуальные основы, законодательное регулирование и практическая реализация. М., 2009. С. 339.